

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.3.8>

UDC 130.2
LBC 71.0

Submitted: 11.11.2022
Accepted: 25.11.2022

HEURISTIC POTENTIAL OF THE CONCEPT OF ENERGY IN THE PHILOSOPHY OF CULTURE (BATAILLE'S CASE)

Dmitriy R. Javorskiy

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article examines an example of the use of the concept of energy in humanitarian knowledge. The interdisciplinary concept of French writer, philosopher, social thinker Georges Bataille, described by him in the book “The Accursed Share”, is presented. It is shown that the concept of energy is applicable to the study of socio-cultural systems. In the light of this approach, culture appears as a system of devices (“organs”, “machines”) that utilize free (psychic, social) energy. In the absence of these devices, socio-cultural systems experience internal pressure of excess energy (the “accursed part”), which is fraught with the destruction of these systems due to troubles, civil wars and other conflicts. Bataille examines in detail three ways of utilizing free energy, which can be described in the framework of the philosophy of culture as three «organs» or three «machines» – war, religion and labor. The article gives a non-classical understanding of these phenomena. War cannot be reduced only to a set of violent actions to seize resources or impose will on the enemy. Religion cannot be reduced only to establishing a connection with the divine. Labor cannot be reduced only to the production of material or spiritual goods. All these activities are partly self-referential, and this self-referential can only be explained by an additional function, which is disclosed in this article. In conclusion, the relevance of the use of the concept of energy in the cultural and philosophical analysis of the current situation is shown. This situation cannot fail to attract the attention of those who rely on a humanistic position.

Key words: Bataille, war, energy, culture machine, culture organ, religion, labor, philosophy of culture.

Citation. Javorskiy D.R. Heuristic Potential of the Concept of Energy in the Philosophy of Culture (Bataille's Case). *Logos et Praxis*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 75-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.3.8>

УДК 130.2
ББК 71.0

Дата поступления статьи: 11.11.2022
Дата принятия статьи: 25.11.2022

ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОНЯТИЯ ЭНЕРГИИ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ (КАЗУС БАТАЯ)

Дмитрий Ромуальдович Яворский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье разбирается пример использования понятия энергии в гуманитарном знании. Представлена междисциплинарная концепция французского писателя, философа, социального мыслителя Жоржа Батая, изложенная им в книге «Проклятая доля» (*La Part maudite*). Показано, что понятие энергии приложимо к изучению социокультурных систем. В свете этого подхода культура предстает (помимо прочего) как система устройств («органов», «машин»), которые утилизируют свободную (психическую, социальную) энергию. В отсутствие этих устройств социокультурные системы испытывают внутреннее давление избыточной энергии («проклятой части»), что чревато разрушением этих систем вследствие смут, гражданских войн и других конфликтов. Батай подробно разбирает три способа утилизации свободной энергии, которые могут быть описаны в рамках философии культуры как три «органа» или три «машины» – войну, религию и труд. В статье дается неклассическое понимание этих явлений. Война, согласно этому пониманию, не может быть сведена только к совокупности насильственных действий по захвату ресурсов или навязыванию воли противнику. Религия не может быть сведена только к установлению связи с божественным. Труд не может быть сведен только к производству материальных или духовных благ. Все эти виды деятельности

отчасти автореферентны, и эта автореферентность может быть объяснена дополнительной функцией, которая и раскрывается в данной статье. В заключение показана актуальность использования понятия энергии в культурфилософском анализе современной ситуации. Современная ситуация характеризуется широким распространением индустрии развлечения как «машин», выжигающей избыточную энергию. Эта ситуация не может не привлечь внимания тех, кто опирается на гуманистическую позицию.

Ключевые слова: Батай, война, энергия, машина культуры, орган культуры, религия, труд, философия культуры.

Цитирование. Яворский Д. Р. Эвристические возможности понятия энергии в философии культуры (казус Батай) // *Logos et Praxis*. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 75–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.3.8>

В самом общем смысле, энергия – это источник всякого движения. В духе Аристотеля движение можно понимать не только как перемещение в пространстве, но также как всякое изменение: качественное преобразование, рост и убыль, возникновение и уничтожение [Аристотель 1981, 104]. С тех пор как британский физик, астроном и филолог Томас Юнг в начале XIX в. заменил концепт «живая сила» «энергией», физика монополизировала это слово. Даже философские словари определяют энергию физикалистски как «способность материальных систем совершать работу при изменении своего состояния» [Философская энциклопедия 1970, 563]. В XX в. эту монополию нарушил Зигмунд Фрейд, использовав словосочетание «психическая энергия». Он утверждал, что в психике существует «некоторый вид энергии», данных о котором недостаточно, чтобы подойти достаточно близко к его познанию. Но это не помешало Фрейду разграничить две формы «психической энергии»: свободную и связанную [Райкрофт 1995]. Правда, психоаналитики сочли это понятие недостаточно определенным, чтобы наделить его статусом термина, поэтому некоторые из них даже предложили вообще исключить «психическую энергию» из психоаналитического словаря, однако этого так и не произошло [Психоаналитические термины 2000, 152–153]. Понятие энергии также сыграло важную роль в аналитической психологии Карла-Густава Юнга [Юнг 2008].

Вхождению понятия энергии в философию культуры способствовал французский философ и писатель Жорж Батай¹. Тема энергии разрабатывалась им в трилогии «Проклятая часть». Только первый том этой трилогии – «Потребление» был издан при жизни автора в 1949 году, остальные два тома – «Эро-

тизм» и «Суверенность» вышли уже после его смерти [Батай 2003, 207].

В «Проклятой доле» Батай основывался на натурфилософском утверждении: «...живой организм в ситуации, обусловленной различными видами взаимодействия на поверхности Земного шара, получает в сущности больше энергии, чем необходимо для поддержания жизни: избыточную энергию (богатство) можно использовать для роста той или иной системы (например, организма); если система уже не может расти или избыток энергии не может быть поглощен для ее роста, то эту энергию необходимо потерять безо всякой пользы, растратить, по собственной воле или нет, со славой или, напротив, – катастрофическим образом» [Батай 2003, 17–18]. Здесь можно увидеть общую смысловую основу понятия энергии в психоанализе и у Ж. Батая: энергия вообще не рассматривается в дефицитарном контексте, напротив, этот концепт задает проблематику избытка, некоего давления, которое психика (в концепции Фрейда) или общество (в концепции Батая) испытывают изнутри. Для Ж. Батая принцип избытка энергии – это фундаментальный принцип жизни, поскольку, в противном случае, не были бы возможны ни рост, ни размножение [Батай 2003, 23]. Естественным условием избытка энергии является солнечное излучение, которое не требует от живого возмещения, дается как дар [Батай 2003, 24]. Однако побочным эффектом этого дара является расточительность жизни, основным проявлением которого выступает смерть. Смерть, уточняет Батай, отнюдь не является непременным условием жизни. Как известно, простейшие формы жизни бессмертны. Однако смерть возникает там и тогда, где и когда жизнь столкнулась с пределом роста [Батай 2003, 28]. Смерть демонстрирует расточительность

жизни, как бы решающей проблему пределов роста. Причем, речь идет не только о смерти как финале процесса старения организма, но и о насильственной смерти. Согласно Ж. Батаю, поедание одними живыми организмами других – это тоже расточительство жизни в ситуации избытка. Животное, устраивающие «гекатомбы» растительности – образ такой расточительности [Батай 2003, 30]. Половое размножение – третье проявление расточительности жизни (если сравнить этот вид размножения с менее энергозатратными способами) [Батай 2003, 31–32]. Человек – сам по себе эффект избытка энергии и одновременно орудие в руках жизни, способствующее расширению ее ареала. Человек техническими средствами позволяет жизни оккупировать те ландшафты, в которые до человека жизнь просто не могла проникнуть [Батай 2003, 32–35]. Но и человек не застрахован от столкновения с избытком энергии.

Избыток энергии, как показывает Батай, представляет собой существенную проблему для человеческих сообществ. Будучи нерастроченной, энергия прорывается в деструктивных практиках: агрессии, направленной на других людей, на вещи, на себя самого. Именно поэтому Ж. Батай именует этот избыток «проклятой долей». Однако Батай выступает как поборник расточительства, как апологет любых форм культуры, способных избавиться от избытка энергии без какой-либо пользы. Это и не удивительно, учитывая то, что Батай принадлежал к кругу, который критиковал всякие характеристики капитализма, в том числе и прежде всего буржуазный утилитаризм. Мы же, отнюдь не ставя перед собой цель апологии капитализма, попытаемся рассмотреть культуру не только как источник «проклятой доли», но и как средство разрешения проблем, вызванных этим избытком энергии.

Один из наиболее ярких примеров разрушительного эффекта избыточной энергии в человеческой психике – сплин: аристократическая «болезнь», вызванная неспособностью найти подходящий объект желания. Известно, что в некоторых и весьма нередких случаях, сплин может вызывать суицидальное поведение. В последнее время в социально-философской литературе используется концепт «социальная энергия» [Калинина, Мура-

шова, Штретлинг (ред.) 2022, 8] в том же смысле: если активная часть общества не находит канала для конструктивного выхода своей (психической, творческой и проч.) энергии, то становится все более высокой вероятность деструктивного ее выплеска в форме беспорядков, бунтов, мятежей и т. п.

Подобного рода явления прототипически наблюдаются уже в животном мире. Ярче всего – у домашних животных. И это объяснимо: та энергия, которая расходуется у диких животных на добывание средств существования, на завоевание места в коллективе, на продолжение рода, оказывается не востребована в доместифицированной ситуации. Тогда животное начинает сбрасывать накопившуюся энергию за рамками логики самосохранения и сохранения вида, чем или несказанно забавляет своих хозяев, или вызывает их недовольство и гнев. Батай набрасывал судьбу избыточной энергии на примере домашнего скота и культурных растений [Батай 2003, 23–24].

В человеческой культуре проблема избытка энергии проявляется на порядок сильнее, поскольку уже первобытный человек сумел значительно оптимизировать процесс добывания средств существования. Этим он высвободил себе не только свободное время, но и массу витальной энергии. Это, казалось бы, преимущество обернулось проблемой. Чтобы с ней справиться, нужно было создать средства утилизации этого избытка, либо направляющие его на решение тех или иных задач, либо на хотя бы бесцельное сбрасывающие.

Можно согласиться с Батаем в том, что на ранней стадии становления культуры такие средства были наиболее примитивными и напоминающими те, что мы встречаем в нечеловеческих формах жизни. Примерами последнего Батай считает обычаи потлача и жертвоприношения [Батай 2003, 39–69]. Потлач – архаический ритуал, во время которого разбогатевшие соплеменники без всякой видимой пользы растрчивали накопленное благо на глазах всего племени. Конечно, есть веские основания истолковывать этот ритуал как социальный регулятор, препятствовавший расслоению общества и формирования классов (или, наоборот, способствующий повышению социального престижа инициатора риту-

ала, а значит и наращиванию его социального капитала). Однако, если задуматься, в потлаче уничтожался результат совокупного общественного труда, который (результат) по тем или иным причинам аккумулировался в руках одного из соплеменников. Это значит, что, в конечном счете, общество аннулировало результаты своих трудов и подготавливалось к тому, чтобы снова расходовать энергию на накопление богатства вплоть до очередного потлача. Ту же функцию, несмотря на разницу идейного сопровождения и антуража, согласно Батаю, выполняет и жертвоприношение. Хотя более детализированную и верифицированную социальную теорию жертвоприношения разработал Рене Жирар, можно согласиться с тем, что в такое сложное культурное явление как жертвоприношение полифункционально, и на позднем этапе своего исторического бытования может усваивать функцию потлача.

Потребовался большой социальный опыт и интеллектуальный труд для того, чтобы научиться использовать избыток энергии продуктивно. По мысли Батая, только капитализм стал рачительно подходить к человеческой энергии и направлять ее на производство различных благ. Батай, как критик буржуазного общества, показывал ограниченность этого проекта и ратовал за частичное возвращение культурных практик непроизводительного расходования витальной энергии.

Нельзя безоговорочно согласиться с тем, что точкой отсчета работы с избыточной энергией следует считать рождение капиталистического общества. То понятие энергии, которое использует Батай, позволяет более детально рассмотреть культуру на протяжении всей ее истории как совокупность искусственных устройств, утилизирующих избыток витальной энергии. Такие устройства можно назвать «органами культуры» (воспользовавшись известной марксистской метафорой). Основываясь на понимании «органов культуры» как «амплификаторов человеческих способностей» [Пигалев 2003, 79], мы можем, вслед за Батаем, подробно рассмотреть в этом качестве *войну, религию и труд*. Все эти органы культуры аккумулируют человеческую энергию для решения важных задач – для укрепления социальных связей, умноже-

ния материальных и духовных ценностей, захвата и защиты ресурсов и т. п.; а также предохраняют общество от избыточной энергии – «проклятой доли». Поэтому нельзя вслед за Батаем утверждать, что религия и война совершенно не утилитарны, и с их помощью человек в чистом виде расходует энергию. Надо сказать, что и сам Батай отдает себе отчет, по крайней мере, в утилитарных аспектах войны, но считает их как бы формой оппортунизма [Батай 2003, 47–48].

Война в классических военных теориях, сформулированных еще в XIX веке и сохранивших до некоторой степени влияние по сей день², понимается как организованное противостояние государств или иных крупных политических образований (например, политических сил внутри государства, как в случае гражданской войны), имеющее целью принудить противника к подчинению, то есть заставить его принять условия победителя, передать ресурсы, которые были предметом конфликта. При этом стороны конфликта стремятся вести военные действия максимально эффективным способом и завершить войну победой с минимальными затратами; война прекращается, как только одна из сторон достигнет своих целей. Война в этом смысле предполагает расчет, планирование, оптимальное, максимально эффективное расходование ресурсов.

Однако большинство известных нам войн далеко не соответствуют этому понятию. Чаще всего войны велись крайне неэффективно, а стороны намеренно пренебрегали принципами, обеспечивающими эту эффективность. Например, наибольшего успеха воюющая сторона, как известно, достигает при нанесении удара, о месте и времени которого противник не подозревает. Для этого план военных действий держится в тайне, для этого разведывательные службы стремятся получить информацию о военных планах противника, а контрразведка – воспрепятствовать получению такой информации. Однако военной истории известна традиция объявления войны в духе «иду на вы», хотя понятно, что объявление войны – это отказ от преимущества внезапного удара. Исторически известные войны полны и других церемоний, ставящих под вопрос эффективность военных действий.

С точки зрения результативности войны не может вызывать недоумение обычаи некоторых воинственных народов поступать с военной добычей – приносить их в жертву богам. Складывается впечатление, что максимальная эффективность ведения военных действий зачастую не является приоритетной целью. Эта странность объяснима, если допустить, что помимо обозначенного результата, война решает проблемы общества, связанные с утилизацией свободной психической энергии. Пример арабских завоеваний раннеисламского времени или пример походов конкистадоров иллюстрируют эту мысль. Общество с избытком пассионарности едва ли сможет сохранить внутренний мир, если не сублимирует излишек энергии. При наличии в обществе критической массы людей способных воевать, наиболее эффективным «органом культуры» для решения этой задачи выступает война. Древнеримский историк Тит Ливий так излагает мотивы одного из военных призывов: «решено как можно строже провести военный набор: это праздность, мол, развратила народ» [Токмаков 2003, 16].

Батай, характеризуя войну как один из способов канализации избыточной витальной энергии, обращается к культуре ацтеков и культуре арабов эпохи возникновения и распространения ислама. В обоих случаях мы имеем дело с обществом, построенным вокруг войны. Целую главу Батай посвящает военной культуре ацтеков, которая представляет собой лабораторно чистый пример войны как органа культуры, нацеленного вовсе не на достижение классической цели войны [Батай 2003, 46-48]. В случае аравийских племен нетрудно увидеть, как создавалась «машина войны» для решения проблемы избытка витальной энергии. Склонный к расточительности, к соперничеству арабский воин становится дисциплинированным («покорным») воином ислама.

Такое использование войны предполагает эстетизацию ее цели. Цель войны, тем самым, делается привлекательной. Образы победы, триумфа, славы составляют эстетический расходный материал «машины войны». Победа обозначает особое душевное состояние удовлетворения собственной мощью, которое испытывает тот, кто одолел своего врага. Триумф – краткосрочное признание этой

мощи, а слава – социальный эффект победы. Эти инструменты эстетизации войны могут давать впечатляющие результаты. Например, о привлекательности войны в Древнем Риме свидетельствует престиж поединка, победа в котором приносила воину репутацию обладателя *virtus* – доблести, обеспечивающего ему высокий социальный статус – *gloria* (славу), открывающей перспективы не только военной, но и гражданской карьеры [Сидорович 2005, 19]. Эти мотиваторы были настолько сильны, что порой побуждали юных воинов самовольно, без разрешения командира принимать вызов дерзкого врага, навлекая на себя, жестокие наказания, даже в случае победы. Римская историография сохранила имена двух отцов-военачальников, которые казнили собственных сыновей за такого рода непослушание [Сидорович 2005, 21]. Те же, кто смог обуздать свой воинский порыв и, согласовав его с волей командира, одерживал победу, удостаивался похвал, причем не только незамысловатой речи полководца перед строем, но и художественного произведения – песни (*carmina*). Сочинение таких песен было войсковым обычаем у римлян, для их исполнения со временем стали привлекаться хоры мальчиков [Сидорович 2005, 24–25]: что с одной стороны, тешило самолюбие триумфатора, а, с другой стороны, подогревало интерес к военным подвигам как слушателей, так и, возможно, исполнителей этой песни.

Привлекательность войны обеспечивается эстетизацией не только цели войны, но и средств – военных атрибутов: все, чем пользуется воин, не просто технические приспособления, они имеют свою красоту. Римский историк I в. до н.э. Саллюстий Крисп: «Вначале юношество, как только становилось способно переносить тяготы войны, обучалось в трудах военному делу, и к прекрасному оружию и боевым коням его влекло более, чем к распутству и пирушкам» [Токмаков 2005, 5–6]. Здесь видно, что военное дело ассоциируется, среди прочего, с оружием и боевыми конями; при этом принимается во внимание не только функциональность того и другого, но и эстетическая оценка. Впрочем, следует учитывать, что утилитарность и эстетичность не всегда четко разграничивались, и оценка оружия как «прекрасного» могла вовсе не озна-

чать, что в его лице мы имеем дело с шедевром декоративно-прикладного искусства, равно как и красота боевого коня выражалась в его физических достоинствах.

Религия выступает для Батая лабораторно чистым образцом «машины» или «органа», утилизирующего избыток человеческой энергии. «Религия, – пишет он, – есть удовольствие, которое общество находит в использовании избыточных богатств; в использовании, или, точнее, по меньшей мере их ценности как чего-то полезного» [Батай 2003, 106]. И здесь же: «Религиозные мероприятия – жертвоприношения, празднества, обустройство роскошных сооружений – вбирают в себя избыточную энергию общества...» [Батай 2003, 106]. Конечно же, можно проблематизировать понятие религии, используемое Батаем, как, впрочем, можно проблематизировать любую попытку определить это понятие. Однако, реализуя цель данной статьи, можно, снизив планку критики, использовать понятие религии так, чтобы и древнеегипетские пирамиды, и средневековые готические соборы считать религиозными объектами; и первобытные ритуалы, и христианскую литургию – религиозными действиями. Также целесообразно вынести за скобки вопрос об онтологическом статусе объекта религиозного переживания. Хотя следует заметить, что религиозный человек едва ли согласится с тем, что религия не имеет иной цели, кроме поглощения избыточной энергии. Вместе с тем, можно принять (со всеми выше изложенными оговорками) характеристику религии, данную Батаем. Действительно, строительство пирамид, возведение готических соборов аккумулировали колоссальные человеческие ресурсы, отвлекая их от иных видов деятельности. Причем нередко те виды деятельности, от которых религиозные практики отвлекали людей, были по преимуществу разрушительными, пагубными для общества. Здесь нужно вспомнить, что эпоха Древнего Царства в истории Египта была периодом формирования государственных институтов и преодоления пережитков племенной розни жителей долины Нила, а время начала постройки готических соборов примыкает к смутному периоду Раннего средневековья с его феодальными усобицами. Сам Батай целую главу посвятил исламу как рели-

гии, которая на заре своей истории утилизировала социальную энергию, направляя ее на военную экспансию [Батай 2003, 71–81].

Реконструкции в области истории религии показывают, как ранние религиозные формы оказывали облагораживающее и умиротворяющее влияние на первобытное и архаическое общество. Так, антрополог, исследователь экономики первобытного общества Маршал Салинз, изучая феномен «больших людей» (big man) в Меланезии и Полинезии, продемонстрировал, как члены племени, сумевшие скопить в своих руках избыточные ресурсы, организовывали общественно значимые события, наподобие религиозных праздников, построек общественных сооружений, других коллективных действий, тем самым канализируя свободную энергию своих соплеменников [Белла 2019, 208–209, 216; Sahlins 1963].

В этой связи особое внимание привлекает Реформация XVI–XVII вв., с ее воинственным неприятием важнейших религиозных атрибутов: церковного искусства, усложненных ритуальных практик, монашеской аскезы и т. д. В некотором смысле Реформация имела антирелигиозную направленность, хотя и культивировала «личную религиозность». Можно сказать, что Реформация – это победа «религиозности» над «религией». Также можно сказать, что реформаторы изымали энергичные инвестиции из религиозной деятельности (строительства грандиозных соборов, создания религиозных художественных произведений, паломничеств и т. д.). Принято считать, и с этим трудно не согласиться, что эти инвестиции были перенаправлены на функционирование другого «органа культуры» – труда.

В противовес религии, труд, по мысли Батая, дальше всего отстоит от практики расточительства, от утилизации избыточной энергии. Труд подчинен принципу продуктивности, утилитарности. Отчасти с этим можно согласиться. Однако не во всем труд может быть противопоставлен войне и религии как продуктивная деятельность непродуктивной трате энергии. Здесь, по-видимому, доктринальная и политическая (антибуржуазная) ангажированность Батая помешала ему увидеть общность между войной, религией и трудом. Чтобы увидеть эту общность, необходимо

сфокусировать внимание на отличии труда от иной деятельности по добыванию средств существования. Труд в строгом смысле слова – это регулярная и автореферентная деятельность. Он регулярен, поскольку не зависит от ситуативных задач. С этой точки зрения, первобытная охота – не труд, поскольку продиктована сиюминутными потребностями, а удовлетворение потребности обнуляют мотивацию к охоте.

Нетрудно показать, что трудовая деятельность организована иначе: продолжительность трудовой деятельности не привязана жестко к достижению ситуативной цели. Крестьянин будет продолжать жатву (как труд) до тех пор, пока не обработает все поле, даже если собранного до окончания жатвы урожая будет достаточно для простого потребления. Промышленное предприятие едва ли остановится, даже если в перспективе маячит кризис перепроизводства. К тому же промышленный труд организован по времени, а не по циклам производства продукта: рабочий будет трудиться до окончания рабочего дня, даже если он досрочно выполнит дневную норму. Все это указывает на то, что помимо ближайших задач, связанных с производством определенного продукта, труд имеет еще и неявные задачи, связанные с организацией свободной социальной энергии.

Наиболее красноречиво на это указывает проблема «занятости», осознанная поздним индустриальным и постиндустриальным обществами [Кастель 2009]. Развитие промышленных технологий ведет к высвобождению рабочих рук и росту безработицы. Если труд рассматривать исключительно как деятельность, нацеленную на получение продукта, тогда в поле зрения общества не появится проблема занять освободившиеся рабочие руки. Однако если взглянуть на проблему шире, тогда становится очевидно, что безработица чревата критическим высвобождением энергии, результатом чего с высокой степенью вероятности может стать социальный взрыв. Именно это и подталкивает к мысли «занять» освободившиеся рабочие руки. В пределе эта «занятость» может не быть сопряжена с продуктивным производством. То, приносит пользу трудящийся или нет, менее важно, чем то обстоятельство, что он занят³.

Признавая ценность концепции Батая, вовсе не обязательно разделять его политические убеждения и, соответственно, его понимание актуальности этих размышлений. Батай по-своему видел проблематику современного ему общества. Пафос его научной и художественной деятельности состоял в поиске перспектив выхода из капиталистического общества и преодоления буржуазной культуры путем реабилитации и реанимации практик непродуктивной траты в пику капиталистическому принципу продуктивности. Концепт энергии в культурно-антропологическом контексте может быть применен к более широкой перспективе для объяснения кризисных явлений современной культуры. В частности, он может быть использован для уточнения проблематики постиндустриального общества и общества потребления. В этой связи следует констатировать кризис описанных Батаем органов культуры (войны, религии и труда), обеспечивающих утилизацию избытка социальной энергии. Целенаправленная дискредитация религии в эпоху Просвещения, дискредитация войны в XX в.⁴, а также изменение роли и места человеческого труда в эпоху научно-технической революции привели к сбоям в работе проверенных органов / машин культуры. Ни война, ни религия, ни труд больше не поглощают всей массы свободной социальной энергии. Иными словами, мы пребываем в поствоенном, пост-религиозном, пост-трудовом обществе. По-видимому, в этой ситуации возрастает роль игры, развлечения. Не случайно эта сфера рассматривается в современных социально-экономических исследованиях как целая индустрия. Похоже, что уже во второй половине XX в. проблема организации труда уступает место проблеме организации досуга. И вот здесь уже возникает вопрос в регистре философской антропологии: достоин ли человек того места, которое отводит ему индустрия развлечения как своеобразный энергетический отстойник, где выжигается или выпаривается величайший дар Природы или Бога человеку – его творческая энергия?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В 2022 г. вышел в свет сборник статей «Энергия: трансформации силы, метаморфозы понятия»,

где в междисциплинарном ключе разносторонне изучены смысловые нюансы концепта «энергия». Читатель найдет там множество деталей из истории этого понятия, упомянуто множество имен, так или иначе связанных с ним. Этот сборник можно смело рекомендовать для ознакомления со смысловыми метаморфозами «энергии» [Энергия 2022]. Удивительно, однако, что в этой пятисотстраничной книге не нашлось места Батаю, если не считать одного беглого упоминания.

² Хотя современные исследователи войны отмечают изменение ее характера. См., например, книгу Мэри Калдор «Новые и старые войны» [Калдор 2015] Однако далеко не все теоретики считают, что классическая концепция войны исчерпала свои эвристические возможности. Так, философ и антрополог Рене Жирар в своей последней работе перечитывает Клаузевица, актуализируя его кажущуюся устаревшей концепцию [Жирар 2019].

³ О высвобождении времени от труда у европейцев и роли этого процесса в современной культуре см.: [Слотердаjk 2010, 853].

⁴ Достаточно сравнить образы войны в литературе XIX и XX века, например, стихотворение М.Ю. Лермонтова, где Бородинское сражение порой представляется как модное дефиле: «уланы с пёстрыми значками, драгуны с конскими хвостами», и антивоенные романы Э.М. Ремарка или Э. Хемингуэя, где акцентируются ужасы и уродства войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель 1981 – *Аристотель*. Сочинения. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981.
- Батай 2003 – *Батай Ж.* Проклятая доля. М.: Гнозис: Логос, 2003.
- Белла 2019 – *Белла Р.* Религия в человеческой эволюции: от палеолита до осевого времени. М.: ББИ, 2019.
- Жирар 2019 – *Жирар Р.* Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром. М.: ББИ, 2019.
- Калдор 2015 – *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.
- Калинина И., Мурашова Ю., Штретлинг С. (ред.) 2022 – *Калинина И., Мурашова Ю., Штретлинг С. (ред.)*. Энергия: трансформации силы, метаморфозы понятия: сборник. М.: НЛЮ, 2022.
- Кастель 2009 – *Кастель Р.* Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009.
- Пигалев 2003 – *Пигалев А.И.* Призрачная реальность культуры (Фетишизм и наглядность невидимого). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003.

- Психоаналитические термины 2000 – Психоаналитические термины и понятия: Словарь. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
- Райкрофт 1995 – *Райкрофт Ч.* Критический словарь психоанализа. СПб.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1995.
- Сидорович 2005 – *Сидорович О.В.* Единоборство в системе ценностей римского гражданина эпохи Республики // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2005. С. 18–30.
- Слотердаjk 2010 – *Слотердаjk П.* Сферы. Плюральная сферология. Т. 3: Пена. СПб.: Наука, 2010.
- Токмаков 2005 – *Токмаков В.Н.* Римлянин ранней республики на войне: права и обязанности // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М.: РОССПЭН, 2005. С. 5–17.
- Философская энциклопедия 1970 – Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 5. М.: Сов. энцикл., 1970.
- Юнг 2008 – *Юнг К.Г.* Структура и динамика психического. М.: Когито-Центр, 2008.
- Sahlins 1963 – *Sahlins M.* Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia // Comparative Studies in Society and History. 1963. № 5. P. 285–303.

REFERENCES

- Aristotle, 1981. *Works in 4 vol. Vol. 3.* Moscow, Mysl Publ.
- Bataille, 2003. *The Accursed Share.* Moscow, Gnosis Publ., Logos Publ.
- Bellah, 2019. *Religion in Human Evolution: From the Paleolithic to the Axial Age.* Moscow, BBI Publ.
- Girard, 2019. *Finish Clausewitz. (Interviews with Benoit Chantre).* Moscow, BBI Publ.
- Kaldor, 2009. *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era.* Moscow, Gaidar Institute Publ.
- Kalinina I., Murashova Yu., Shtretling S. (eds.), 2022. *Energy: Transformation of Force, Metamorphosis of Notion.* Moscow, NLO Publ.
- Castel R., 2009. *Metamorphoses of the Social Question. Chronicle of Wage Labor.* Saint Petersburg, Aleteya Publ.
- Pigalev A.I., 2003. *The Spectral Reality of Culture (The Fetishism and the Apparency of an Invisibility).* Volgograd, Izd-vo VolGU Publ.
- Psychoanalytic Terms and Concepts: Dictionary*, 2000. Moscow, Klass Publ.
- Ryckoff Ch., 1995. *Critical Dictionary of Psychoanalysis.* Saint Petersburg, East European Institute of Psychoanalysis Publ.
- Sidorovich O.V., 2005. *Single Combat in the System of Values of a Roman Citizen of the Republic Era. Voenno-istoricheskaya antropologia.*

- Ezhegodnik. 2003/2004, Novye nauchnye napravlenia.* Moscow, ROSPEN Publ. P. 18-30.
- Sloterdike P., 2010. *Spheres. Plural Spherology. Vol. 3: Foam.* Saint Petersburg, Nauka Publ.
- Tokmakov V.N., 2005. *Roman of the Early Republic at War: Rights and Obligations. Voennno-istoricheskaya antropologia. Ezhegodnik. 2003/2004, Novye nauchnye napravlenia* Moscow, ROSPEN Publ. P. 5-17.
- Philosophical Encyclopedia, 1970. *Philosophical Encyclopedia. In 5 Vols. Vol. 5.* Moscow, Sov. entsikl. Publ.
- Jung K.G., 2008. *Structure and Dynamics of the Mental.* Moscow, Kogito-Center Publ.
- Sahlins M., 1963. Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia. *Comparative Studies in Society and History*, 1963, no. 5, pp. 285-303.

Information About the Author

Dmitriy R. Javorskiy, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, d.r.yavorsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9198-4847>

Информация об авторе

Дмитрий Ромуальдович Яворский, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, d.r.yavorsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9198-4847>